

Журавли

Нашей русичке нравится сажать людей в лужу. Если лужи нет, она ее организует. Из чайника на пол нальет и размажет, чтобы площадь равнялась одному гектару. Целый класс поместится!

Перед весенними каникулами сказала: «Дети, природа просыпается. Пора и нам». Мы с Жекой Пасловым как раз спали на задней парте, как три медведя. Только два. «Вот, скоро конкурс, областной, бла-бла, – продолжала русичка. – Стихотворение о природе. Можно написать про журавлей. И ландыши». Когда она в последний раз журавля видела? Лично я – только в зоопарке, унылого, рядом с табличкой «животное не кормить». А про ландыши пусть девчонки пишут, я пас. «Участвуем все без исключения. Кто не напишет, тому выше четверки за последнюю четверть не поставлю». Ничего себе терроризм! Мне папа сказал, будет пять по русскому – будет плейстейшн. Уговор скреплен рукопожатием и бутербродом с докторской. Ну, здорово, журавли! Вы прилетели – мы приплыли.

Я решил надолго это дело не откладывать, чтобы не портить себе каникулы. Сел, тетрадь разглядел. В голове ни одной мысли, тишина звенит.

Журавли, журавли,

Вы куда... ой-люли.

И дальше – тупик. Зачем писать стихи про природу, когда она в каждом окне? Висит, скажем, сосулька – метровая. Стихов не требует. Сама по себе нормальная, если на голову никому не упадет. Или то же небо. Самолет пролетел, след оставил. Можно сфоткать. А оно, небо, по мнению русички, осенью дышало, чем-то там блистало. Да еще и обнажалось! Между прочим, за такое сейчас извиняться заставляют и на ковер к директору водят. Развела тут, понимаешь ли, раздевалку для неба!

Короче, не знаю как, но я оказался рядом с маминим книжным шкафом. Папа давно на него покушается. Хочет книги в гараж, шкаф на свалку, а сюда скамью для жима пресса. Мама за книги горой, а сама не читает. Пыль можно лопатой собирать. И мои детские рисунки за стеклом воткнуты. Стоят, позорятся. Сколько раз просил выкинуть – мимо. Маме без них нечем умиляться. Я, типа, долговязый, давно не малыш, щеки сдулись. Я их, на минуточку, целый год сдувал, от чипсов отказался. Ладно, проехали-забыли.

Достал Пушкина. У нас собрание сочинений в ста томах. Книги почти одинаковые, только некоторые потолще. Взял толстую – там письма, взял среднюю – проза. Еле нашел стихи. Вот вроде бы про природу. «Духовной жаждою томим». Попей водички, чувак! У

русички в чайнике есть, она из него декабристов поливает. Не тех, которые во глубине сибирских руд, а тех, которые в мелкий цветочек. «В пустыне мрачной я влачился». Зачем ты туда поперся? Дома не сиделось? «И шестикрылый серафим». Это как? Два крыла на лопатках, понятно. А еще четыре куда? Неужели?..

Не успел я додумать себе серафима, как что-то вывалилось из книги. И побежало по ковру прочь. Если ценное, мне влетит. Одним прыжком нагнал, животом придавил, а оно дергается, кусается, верещит. Схватил понадежнее, смотрю – Пушкин. Крохотный, как Дюймовочка, весь в бакенбардах, нос торчит.

– Попался! – говорю.

А сам думаю, как его обратно в книгу засунуть. Он же упитанный такой, корешок разорвется. И на полке перенаселение – не вставлю.

– Пусти, мучитель! – запищал Пушкин и давай колотить меня цилиндром. – Долой тиранию! И на обломках самовластья напишут...

– Ага, напишут. Слушай, мне тут не надо, чтобы ты ночью по квартире топал. Полезай назад. Чего сбежал?

– Уши вянут слушать, как ты меня коверкаешь! – надулся Пушкин. – Негодяй! На дуэль вызову! Царю нажалуюсь!

– Какому царю?

– А какой у вас сейчас? Николай Сто Пятидесятый?

Я решил ему не рассказывать ничего. Мало ли, как отреагирует. Не выдержит душа поэта, а мне потом отвечать.

– Ты же вроде гений и наше все. Помогите по-братски. Мне надо стих про природу. Журавли, трава, грязь красивая. Ну, ты в курсе!

Пушкин оживился и даже перестал вырываться.

– Сколько строк?

– Восьми хватит. Много не надо, а то русичка заподозрит, что скатал.

Я отнес Пушкина к себе в комнату. Тот принялся ходить туда-сюда по столу. Споткнулся о точилку, стал ворчать.

– Где чернила? Где перо?

– Перо есть, – я достал из ящика две штуки. – Вчера из подушки выпали.

Он давай ругаться. По-французски, потому что я ни слова не понял, хотя вроде все ругательства отлично знаю.

– Пиши, – велел Пушкин. – Раз нет пера, пальцем. Роняет лес багряный свой убор...

– Стой, было! Вот, на сто девятой странице. Нам ничего ронять не надо, все уже уронили. На дворе март. Птички летят домой.

Пушкин принялся неистово чесать бакенбарды.

– Тогда так. На холмах Грузии лежит...

– Тоже было! К тому же училка спросит, откуда такая информация. Про Грузию. У нас тут как бы вообще не она.

– Мда, проблема, – протянул Пушкин. – Я уже все написал. Что же делать?

– Поднатужься. Ты можешь! Я в тебя верю. Жу-ра-вли... пам-пам-пам...

– Анапест, – сказал Пушкин. – Я анапестом плохо. Мне бы ямбами.

– Давай ямбами! Глаголами! Жги! Ты же Пушкин, тебе памятники – в каждом городе. У нас даже аэропорт имени тебя.

Пушкин кряхтел, но жег. Егохватило на короткое стихотворение, после чего он повалился лицом в тетрадь и захрапел. Я переложил его в ящик, накрыл носовым платком. Перья из подушкигодились, чтобы сунуть поэту под голову.

– Спи, брат! Заслужил.

Главное, чтобы родители не нашли. Придут такие, сразу обыск. Что прячешь? Плохое что-то? А ну открывай, доставай. Мать, гляди, у него тут Пушкин. Да как ты мог, великого поэта в ящике держать, на куриных перьях? Что скажут соседи, твоя классная руководительница? Срочно вызывайте... кого вызывать-то... библиотекарей! Скорую помощь для микроклассиков! Немедленно поместите жемчужину поэзии в золотой фонд русской литературы! Ну же, Пушкин, дыши! Осенью дыши! Морозом, днем чудесным. Где же кружка? Несите кружку. Вы что, не видите, солнце русской поэзии закатывается? Сделайте что-нибудь, в конце концов! Постройте машину времени и застрелите Дантеса в колыбели! Авадакедавра ему! Чем меньше Пушкина мы любим, тем больше в слове орфограмм.

Проснулся я в кровати, чего не ожидал. Когда я туда переместился? Сразу к столу, открыл ящик – Пушкин, конечно, сбежал. Перетряс все тома – нет его. Хорошо что запись в тетради осталась. Пусть только русичка попробует сказать, что стихи никудышные, слабые. Не кто-нибудь написал, а сам Пушкин! А я рядом стоял, морально помогал.

Каникулы пролетели отвратительно быстро. Собрался, потащился в школу. Русский, конечно, первым уроком, как иначе. Стрелять, так наповал.

– Написал? – спросил Жека. – У меня чот фигня вышла. Сдавать – не сдавать?

А меня прямо распирало. Я мог, конечно, заставить Пушкина и для Жеки черкнуть пару строк, но решил, пусть будет эксклюзив. Русичка у меня сегодня вымрет. Как мамонты. Сразу и вся.

– Что ж, послушаем нетленные шедевры, которые вы создали за каникулы, – сказала она. – Кто хочет? Как всегда, лес рук? Ба... что случилось? Кузнецов, ты не заболел? Стихи будешь читать? Сам вызываешься? Отмечу-ка я этот день в календаре. Буду внукам рассказывать. Давай, слушаем. Тишина в классе! Полная! Паслов, к тебе это тоже относится!

Все напряглись. Я шел к доске и слышал свои шаги. Бум, бум. Как Пушкин иду – красивый, дерзкий, дуэльный. В руке листок. Сверху муза, то есть муха – на бредущем полете. Я откашлялся. И...

Класс стонал от хохота. Русичка сняла очки и вытирала уголком платка слезы. Что случилось, я так и не понял. В кармане рубахи что-то зашевелилось, высунулся Пушкин.

– Как прошло?

– Успех, – сказал я. – На разрыв. Правда, я ожидал другого.

– Не привыкай к славе. Лавровый венец – он самый тяжелый так-то.

Я вспомнил веник из лаврушки, который висел у нас дома. Тяжелым он не выглядел. Впрочем, Пушкину виднее. Может, няня ему слишком часто совала эту дрянь в суп, перекормила.

– Журавли! Садись, пя-пя-пять, – простонала русичка. – Уморил.

Йес! Я все-таки ее уморил! Моя взяла! Ай да Пушкин, ай да журавлиный сын!